

Любимова Г.В. Обрядово-игровые формы народного театра в Сибири: «Лодка» как драма и атрибут масленичных празднеств // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 164-167.

Народный театр как массовый вид зрелищного искусства относится к довольно поздним явлениям русской традиционной культуры, ставшим неотъемлемой частью ярмарочных увеселений и городских праздничных гуляний, начиная с петровских времен. Вместе с тем, корни этого явления восходят к обрядово-игровым формам народных представлений (прежде всего, таким, как ряжение), которые традиционно разыгрывались в определенный период народного календаря, обрамлявшийся праздничными циклами Святки и Масленицы [Ивлева, 1994, с. 36]. Попробуем проследить связи между бытовавшей в Сибири народной драмой «Лодка» и масленичными празднествами с использованием одноименного атрибута, получившими распространение в Зауралье.

Первоначальным драматическим ядром «Лодки» явилась инсценировка русской песни «Вниз по матушке по Волге», которая позднее, в своей «осложненной редакции», уступила место развернутому изображению разбойничьей жизни и романтической любовной ситуации [Крупянская, 1972, с. 272]. Одним из старейших центров бытования «Лодки» был Петербург с его округой, широкое распространение народная драма получила в центрально-промышленных районах России, на горнозаводском Урале и среди донского казачества. Большая популярность в народе таких драматических произведений, как «Лодка», «Шлюпка», «Шайка разбойников», «Степан Разин», «Ермак Тимофеевич» и др., объяснялась тем, что разбойничьи шайки представляли в них как защитники бедноты и выразители народных представлений о социальной справедливости.

В деревнях народные драматические произведения обычно разыгрывались на Святках. Подобно святочным ряженым, актеры ходили из дома в дом, испрашивая разрешения сыграть короткие сценки и более сложные представления. Показательно, что участников подобных представлений в народе нередко именовали «шайкой», а режиссера – «атаманом». Так, в «Материалах для народного календаря русского старожилото населения Сибири» (1918) Г.С. Виноградов приводит сведения о жившем *«годов 30 назад»* в Тулуне почтовом старосте, который *«наряжался на святках атаманом, а ребяташки годов по 12-14, человек 12, (были) наряжены у него*

разбойниками, с деревянными кинжалами... на головах – красные колпаки». Заходит такая «шайка» и поет: «Если есть у вас, хозяин, / В доме лишнее бревно, / Так мы вырубим его...». В примечаниях автор добавляет, что ряженые разыгрывали несколько явлений из популярной народной драмы «Царь Максимилиан» (АРГО, р. 59, оп. 1, № 17, л. 75). В работе о поверьях и обычаях Сургутского края И.С. Неклепаев уточняет, что «очень популярная» в крае пьеса «Царь Максимилиан», входившая в круг святочных развлечений сургутян, еще в 1850-е гг. была «вывезена» из Питера сургутскими казаками. Причем «сначала, – по словам автора, – его представляли взрослые парни, теперь же (исполнителями являются) только ребятишки» [1903, с. 122-123].

Несмотря на то, что записи сибирской народной драмы «неполны и малочисленны», установлено, что формирование народно-театральных традиций за Уралом относится к рубежу XVIII – XIX вв., а наиболее активный период их бытования приходится на первые десятилетия XX в. [Савушкина, 1974, с. 43]. Значительный интерес в этой связи представляет обнаруженная в фондах Российского этнографического музея архивная фотография 1906 г., запечатлевшая уникальную крестьянскую роспись из Енисейской губернии (с. Красновское) с выполненным во весь рост портретом Ермака (Рис. 1). В представленной композиции облаченный в шлемообразный головной убор, рубаху-косоворотку и высокие сапоги «герой сибирского взятия» поражает копьем противника, тело которого клонится к земле, а правая рука зажимает кровоточащую рану. Поясняющая надпись, сделанная художником в правом верхнем углу изображения, гласит: «ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВИЧЪ ПОРАЗИЛЬ... (неразб., возможно, «сибирского царя», – Г.Л.) В 1581 Г.». Декоративный характер росписи усиливается идущим по верхнему краю и боковым сторонам бордюром, напоминающим стилизованные складки театрального занавеса, что позволяет рассматривать данное изображение Ермака как возможный фон или декорацию для исполнения одноименной народной драмы [Любимова, 2011, с. 290].

В то время, как исполнение народных драматических произведений, в том числе, самого популярного из них, «Лодки», чаще всего происходило на Святках, использование одноименного средства передвижения в качестве важнейшего атрибута игры ряженых было приурочено к Масленице. Самое раннее описание обычая устраивать «масленичный корабль», на котором ездили ряженые и сама «госпожа Масленица», содержится в работе Е.А. Авдеевой «Очерки Масленицы в Европейской России и в Сибири, в городах и деревнях». В последние дни сырной недели, пишет автор, в Иркутске «возили

Масленицу»: «сколачивали несколько дровней, на них устраивали из досок нечто вроде корабля... приделывали паруса и разноцветные флаги; на подмостках помещались скоморохи, медведь, музыканты и барабанщики... всю эту громаду тащили 10 и более лошадей». Такой же «экипаж в виде большой лодки на полозьях» возили и в Москве [1849, с. 227].

Все остальные свидетельства относятся уже не к городским, а к сельским масленичным увеселениям. Сама Масленица в сибирской традиции могла быть представлена либо с помощью антропоморфного чучела (как правило, это было «чучело мужика из соломы» и с трубкой в зубах), либо через игру ряженого крестьянина из числа «наиболее разбитных и красноречивых жителей края». Примечательно, что конструкция масленичного поезда и в том, и в другом случае оставалась неизменной. Его обязательными элементами являлись связанные друг с другом сани или дровни, в середине которых водружался шест с надетым на него колесом. К самому колесу крепилось соломенное чучело, или же на нем восседал изображавший Масленицу человек. При этом в ряде случаев шест превращался в мачту, а сама конструкция поезда приобретала вид парусной лодки или корабля [Любимова, 2002, с. 132-133].

Так, в очерке А. Широкова о праздновании Масленицы в горнозаводских селах Алтая говорится: «В середине экипажа укрепляется, подобно мачте, высокий шест с горизонтально надетым наверх колесом, на котором сидит шут, забавляющий почтеннейшую публику» [1844, с. 51]. В материалах В.С. Арефьева (Енисейская губ.) сказано, что «к шесту привязывают парус, как на лодке» [1901, с. 138]. Подробные сведения об устройстве масленичного поезда, в котором лодка выступает уже в качестве самостоятельного атрибута, содержатся в описании П.А. Городцова (Тюменский у.): «берут старые сани-дровни, на них ставят другие, сверху - выброшенный по негодности бат (челн, выдолбленный из цельного дерева) или небольшую лодку... В середине бата ставится мачта, к которой сверху прикрепляется старое колесо; от вершины мачты протягивают веревки, увешанные разноцветными флажками, колокольчиками и бубенчиками» [1915, с. 18-19]. Согласно полевым материалам, такой атрибут масленичных представлений, как *бат* (долбленая лодка), долгое время сохранялся в праздничной культуре сибиряков-сторожилов. По словам А.И. Пульниковой (1911 г.р.), «в последний день масленой недели мужики наряжали лошадь, запрягали лодку, складывали туда сети, всю утварь рыбацкую и ехали "рыбу ловить"» (ПМА, 1990, с. Плавново, Ярковский р-н, Тюменская обл.).

Характерную особенность масленичного поезда в Енисейской губ. отмечает М.В. Красноженова: «катались ряженные и возили столб с колесом... устраивали на полозьях лодку с гребцами» [1924, с. 25]. При этом сопровождавшие поезд парни, были, как правило, наряжены в «самую худую одежонку», с выпачканными сажей лицами [Макаренко, 1913, с. 145], то есть, по виду напоминали разбойников. В материалах А. Новикова о взятии «снежного городка» в Барнаульском у., уже явно прослеживаются элементы народной драмы. Празднование начиналось с появления «царя», которого привозили на лошадях, запряженных в обычный челнок или лодку, где стоял стол с закусками, стулья и горячая печка-буржуйка. За столом сидел одетый в рваные тряпки «царь» с вымаранным сажей лицом. Вычитав полную прибауток речь, он подавал знак к началу взятия крепости [1929, с. 176-178].

Сопровождавшие поезд ряженные нередко разыгрывали целые представления, подобно тому, как это делалось на Святки. Особенно популярными были сцены, в которых обыгрывалась смерть и воскресение какого-нибудь животного. В.С. Арефьев зафиксировал масленичное представление с «рыбой» – ср.: «На санях помещается 10-12 мужиков, один из них изображает казака, другой – рыбу... Сзади едет особая подвода, на которой везут лодку и невод. Подъехавши к какому-нибудь дому, компания просит позволения «понеvodить»... В случае согласия... крестьянин, изображающий рыбу, начинает метаться в пространстве, окруженном неводом, но, в конце концов, попадает в мотню... Затем метание рыбы затихает, и ее вываливают на снег. После этого рыбаки играют в гармошку и пляшут. Рыба начинает постепенно оживать и пускается в пляску. Хозяин дома должен угостить всех участников игры водкой или подарить их деньгами» (Кежемская волость, Енисейский уезд) [1901, с. 139]. Показателем устойчивости данной локальной традиции является то, что десять с лишним лет спустя А.А. Макаренко наблюдал в тех же местах сходное представление. Один из участников масленичного поезда делал вид, что мутит воду, другой изображал рыбу, остальные – рыбаков. Остановившись перед домом какого-нибудь богатея, «нарятки» растягивали поперек улицы невод, в который попадалась «рыба». В заключение «дружка» наносил ей удар и та, распластавшись на земле, делала вид, будто «околела». Спустя какое-то время, она поднималась, а рыбаки дружным хором пели домохозяину «величанье», который обязан был отблагодарить потешников водкой [1913, с. 146].

Наличие в составе масленичного поезда лодки не могло не привлечь внимания исследователей. Так, Л.А. Тульцева считает что «корабли и лодки, водружавшиеся на

санях», появились на городской и сельской Масленицах только после грандиозного увеселения, устроенного Петром I на Масленной неделе в Москве по случаю Нейштадского мира со Швецией в 1722 г. [2000, с. 161]. Однако подобное событие вряд ли могло способствовать столь широкому распространению указанного атрибута, как это можно видеть по сибирским материалам. Другой подход связан с так называемой сезонной теорией, согласно которой Масленица знаменует собой смену основных земледельческих сезонов. С этой точки зрения лодка в составе масленичного поезда играет роль символа весеннего освобождения рек ото льда (точно так же как колесо в данной трактовке становится знаком весеннего перехода от саней к телеге). Вместе с тем, об ином и, вероятно, исконном смысле названного атрибута в обряде проводов Масленицы свидетельствуют данные об использовании лодки в архаичных обрядах погребения. Опираясь на классическую работу Д.Н. Анучина «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда» (1890), М.М. Громыко рассматривает лодку в составе масленичного поезда, прежде всего, как показатель погребального характера процессии [1975, с. 102-105]. Данная точка зрения непротиворечиво сочетается с мнением А.В. Грунцовского, согласно которому в основе народной драмы «Лодка» лежит «миф о путешествии на тот свет» [2002, с. 10].

Народные драматические произведения (от «Лодки» до «Ермака Тимофеевича»), как видно из представленных материалов, относятся к явлениям одного порядка. Их появление в Сибири связано с походом Ермака, который, как известно, в молодые годы был атаманом казачьей вольницы, промышлявшей на Волге разбоем. Основным средством передвижения казаков-первопроходцев, сплававшихся по сибирским рекам, являлись речные суда (струги). Не исключено, что народная драма «Лодка» разыгрывалась в Сибири в память о походах казачьей дружины. В то же время, использование лодки как атрибута масленичной обрядности, безусловно, древнее народных драматических представлений.

АРГО – Архив Русского Географического общества (С.-Петербург)

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея (С.-Петербург)

ПМА - Полевые материалы автора

Авдеева Е.А. Очерки Масленицы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях // Отечественные записки. - СПб. 1849. - Т. LXII. - № 2. Отд. VIII. Смесь. - С.

224-228.

Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии // Известия ВСО РГО. - Иркутск, 1901. - Т. XXXII. - № 1-2. - С. 65-140.

Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. - 1915. - Вып. XXVI. - С.1-65.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). - Новосибирск: Наука, 1975. - 352 с.

Грунтовский А.В. Потехи страшные и смешные: Книга о фольклорном театре, скоморохах, ряженых и кулачных боях. - СПб.: Русская земля, 2002. - 351 с.

Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. - СПб.: РИИИ, 1994. - 235 с.

Красноженова М.В. Взятие снежного городка в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск. - 1924. - С. 21-37.

Крупянская В.Ю. Народная драма «Лодка» (генезис и литературная история) // Славянский фольклор. - М.: Наука, 1972. - С. 258-302.

Любимова Г.В. Заметки о сибирской Масленице: взятие «снежного городка» // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2002. - № 4. - С. 131-137.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX - начало XX вв. - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. - 240 с.

Любимова Г.В. Крестьянская роспись с изображением Ермака из Енисейской губернии: к вопросу о соотношении изобразительного и вербального фольклора // Вестник НГУ. Серия: История, филология. - 2011. - Т. 10. - Вып. 5: Археология и этнография. - С. 288-294.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Записки РГО по отделению этнографии. - СПб, 1913. - Т. XXXVI. - 292 с.

Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края. Этнографический очерк // Зап. ЗСО РГО. - Омск, 1903. - Кн. XXX. - С. 29-230.

Новиков А. Несколько заметок о сибирской маслянице // Сибирская живая старина. - Иркутск. 1929. - Вып. VIII-IX. - С. 175-178.

Савушкина Н.И. Народный театр в Сибири // Фольклор и литература Сибири. - Омск, 1974. - Вып. 1. - С. 43-59.

Тульцева Л.А. Календарные праздники и обряды (по материалам XIX - XX вв.) // Русские: народная культура (история и современность). Общественный быт. Праздничная культура. - М: ИЭА РАН, 2000. - Т. 4. - С. 128-205.

Широков А. Сибирский карнавал // Маяк. Журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. - СПб, 1844. - Т.17. - С.49-54.

Рис. 1. Крестьянская роспись с изображением Ермака, поражающего татарина (с. Красновское, Енисейская губ., 1906 г.) (АРЭМ). По: [Любимова, 2004, с. 84].